

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Александр Владимирович Шувалов

Кандидат психологических наук, доцент;

Психолог ГБУ «Кризисный центр помощи женщинам и детям»,

Российский православный университет святого Иоанна Богослова (Россия)

virtusfront@mail.ru

DOI: 10.55398/27826066_2023_2_6_118

Аннотация. Цель статьи — обратить внимание и предпринять шаги к осмыслению негативных тенденций в современной человеческой популяции, которые затрагивают сферы здоровья, развития, поведения, эмоционально-нравственного облика и межличностных отношений людей. Эти тенденции обнаруживают себя прямо или косвенно в рамках повседневной психологической практики и совокупно могут быть истолкованы как психологические проявления антропологического кризиса. В статье раскрывается содержательный потенциал и значение православной антропологии для профессионалов гуманитарного профиля: она может дать верные ориентиры и важные сведения, составить мировоззренческое и методологическое ядро профессиональной позиции специалиста. Вводятся и обосновываются понятия «антропологическая норма» и «антропологическая проблема» как зоны сопряжения гуманитарного знания и духовного знания. Духовное знание является важным источником в структуре осмысления, определения и культивирования антропологических норм. Поддерживается идея антропологического единства и преемственности гуманитарного знания и духовного знания. Предпринимается попытка анализа и осмысления первопричины, специфики и разрушительных проявлений антропологического кризиса в контексте богочеловеческой истории. Предлагаются обзор основных идей и трансформаций гуманистической доктрины, оценка ее возможных влияний на ментальность, внутренний облик и образ жизни современников. Приводится обзор и анализ структуры обращений за квалифицированной психологической помощью. Выделены две ключевые и взаимосвязан-

ные тенденции: от возрастания проявлений аномального эгоцентризма к возрастанию деструктивных и аутодеструктивных проявлений в поведении и образе жизни людей. Аномальный эгоцентризм и деструктивное поведение представляют собой сложные духовно-психологические феномены, которые могут быть восприняты и истолкованы как маркеры антропологического кризиса на современном историческом этапе.

Ключевые слова: православная антропология, человек, личность, антропологическая норма, антропологическая проблема, антропологический кризис, гуманизм, трансгуманизм, секулярная антропология, аномальный эгоцентризм, деструктивное и аутодеструктивное поведение.

Для цитирования: Шувалов А. В. Психологические маркеры антропологического кризиса // Сретенское слово. Москва : Изд-во Сретенской духовной академии, 2023. № 2 (6). С. 118–148. DOI: 10.55398/27826066_2023_2_6_118

PSYCHOLOGICAL MARKERS OF THE ANTHROPOLOGICAL CRISIS

Aleksandr Vladimirovich Shuvalov

PhD in Psychology, Associate Professor;

Psychologist of the State Budgetary Institution «Crisis Center for Women and Children»

(Moscow), of the Faculty of Psychology of the Russian Orthodox University

of St. John the Theologian (Russia)

virtusfront@mail.ru

DOI: 10.55398/27826066_2023_2_6_118

Abstract. The purpose of the article is to draw attention to and take steps to understand the negative trends in the modern human population that affect the areas of health, development, behavior, emotional and moral character and interpersonal relationships of people. These tendencies reveal themselves directly or indirectly within the framework of everyday psychological practice and together can be interpreted as psychological

manifestations of the anthropological crisis. The article shows the content potential and significance of Orthodox anthropology for professionals in the humanities: it can provide correct guidelines and important information, form the ideological and methodological core of a specialist's professional position. The concepts of «anthropological norm» and «anthropological problem» are introduced and substantiated as areas of conjugation of humanitarian knowledge and spiritual knowledge. Spiritual knowledge is an important source in the structure of understanding, defining and cultivating anthropological norms. The idea of anthropological unity and continuity of humanitarian knowledge and spiritual knowledge is supported. An attempt is made to analyze and comprehend the root causes, specifics and destructive manifestations of the anthropological crisis in the context of the Divine-human history. An overview of the main ideas and transformations of the humanistic doctrine, an assessment of its possible influences on the mentality, internal appearance and lifestyle of contemporaries are offered. A review and analysis of the structure of requests for qualified psychological help is given. Two key and interrelated trends have been identified: from an increase in manifestations of abnormal egocentrism to an increase in destructive and self-destructive manifestations in the behavior and lifestyle of people. Abnormal egocentrism and destructive behavior are complex spiritual and psychological phenomena that can be perceived and interpreted as markers of an anthropological crisis at the present historical stage.

Key words: Orthodox anthropology, person, personality, anthropological norm, anthropological problem, anthropological crisis, humanism, transhumanism, secular anthropology, abnormal egocentrism, destructive and self-destructive behavior.

For citation: *Shuvalov A. V. Psychological markers of the anthropological crisis // Sretensky Word. Moscow : Sretensky Theological Academy Publ., 2023. No 2 (6). Pp. 118–148. DOI: 10.55398/27826066_2023_2_6_118*

Православная антропология и профессионализм

Раннехристианский писатель Марк Минуций Феликс замечал, что «*истина желанна*». Блаженный Аврелий Августин в своем сочинении «Исповедь» писал, что «*истину так любят, что, любя что-то другое, люди*

хотят, чтобы то, что они любят, оказалось истиной». Если мы любим свою профессию, свое дело, то с той или иной мерой осознанности ищем в них не только свои призвание и стезю, возможности для возрастания и совершенствования, а также эмоциональное и моральное удовлетворение и материальное вознаграждение, но и свидетельства их истинности, нужности, духовной и нравственной оправданности.

Состоявшемуся профессионалу для полноценного решения повседневных задач (тем более в работе с живыми людьми) необходимы не только выверенные научно-рациональные основания и качественный инструментарий, но и мировоззренческая твердь. За последние десятилетия такой опорой и такой твердью для части врачей, педагогов, социальных работников, психологов стала православная антропология.

Ф. Е. Василюк писал, что «психология достигла совершеннолетия» и «перед ней встают задачи нового типа. Это в первую очередь проблема культурной ответственности. У нас теперь такая профессия, что мы в ответе за то, будет ли человек искать в своей душе Эдипа или Христа. Каков будет выбор культурной, а тем более духовной позиции — дело личной свободы, а не профессиональных обязательств или предписаний, но сам этот выбор теперь входит в икономию профессии как необходимый элемент» [Василюк 2007: 90].

Полагаю, что профессионалы гуманитарной науки и практики в некотором смысле обречены на православную антропологию (в самом положительном смысле слова «обречены»). Потому что за ней воплощенная Истина — Христос, за ней правда о человеке, за ней сверхзадача — служение людям по примеру Христа. Потому что если православная антропология была воспринята профессиональным сознанием, стала одним из средств анализа и осмысления проблем и целей профессиональной деятельности, дополнила и обогатила положения кодекса профессиональной этики, т. е. по сути стала мировоззренческим и методологическим ядром профессиональной позиции, то ей уже затруднительно предложить соразмерную альтернативу.

Антропологические нормы

Термин «антропология» появился еще в античной философии. Аристотель употребил его для обозначения области знания, изучающей преимущественно духовную сторону человеческой природы: разум и добродетели.

Впоследствии под этим именем сконцентрировались разные ветви человекознания, которые на основе изучения онтогенеза, филогенеза и социогенеза описывают биологические, социальные и духовные качества людей. Антропология сфокусирована на специфике человеческого в человеке, на различении человеческого и до- или внечеловеческого в развитии, поведении и образе жизни. Приведем наглядный пример: девять месяцев внутриутробного развития человеческого эмбриона — это не только эмпирический факт, но и важная *антропологическая норма* (!). Индивидуальная вариативность в продолжительности пренатального периода у женщин отнюдь не отменяет ее (нормы) значимости. Заметные отклонения от нее как в одну, так и в другую сторону чреваты болезненными проявлениями и нарушениями в последующем развитии ребенка. Антропология как раз и занимается описанием фундаментальных норм устройства и становления человека, которые не подлежат ревизии, коррекции и тем более упразднению.

Уникальность устройства и драматургия становления красноречиво представлены в богословской и философской антропологии: человек сочетает в себе естественное (животное) и сверхъестественное (духовное) начала. Эти начала представляют собой два центра влияния на мотивацию и поведение человека и спорят друг с другом в борьбе за доминантность. В природе поведение животных определяют инстинкты: основные силы сосредотачиваются на борьбе за выживание, на утолении голода и продолжении рода. Люди устроены иначе. Для человека нормально, когда над инстинктами, привычками и вожделениями главенствует духовное начало; когда личность управляет натурой, а не наоборот (в противном случае — распушенность или психопатия). Самоконтроль личности — другая важная антропологическая норма (!), которая закладывается в традиционных подходах к воспитанию и постепенно складывается в процессе становления человека.

Антропологические представления восходят к реальности естественного нравственного закона, который имеет безусловный и всеобщий характер. Человеку как личности подобает добровольно и сознательно быть послушным требованиям естественного нравственного закона. Это еще одна принципиальная антропологическая норма (!), о которой следует упомянуть в контексте нашего повествования, от которой прямо зависит и характер взаимоотношений, и качество жизни людей. Отступление от нравственного закона пагубно для человека и разрушительно для отношений.

Б. С. Братусь замечает, что, как и всякий жизненный, живой процесс, отношение человека к другим людям несет в себе борьбу противоположных возможностей и тенденций [Братусь 1988]. С одной стороны — человеческое отношение, основанное на традиционном понимании и восприятии ближнего как образа и подобия Божия, наделенного особой сакральной ценностью; децентрация, терпение, милосердие, самоотдача и любовь как способы реализации этого отношения. С другой стороны — вещное отношение, бесцеремонное восприятие ближнего как средства, подчиненного внешним целям, пусть даже особого и уникального, но стоящего в ряду прочих вещей; эгоцентризм, пренебрежение, манипуляция, эксплуатация и, наконец, насилие как способы реализации такого отношения. Доминанта на Другом и любовь к ближнему в противовес эгоцентризму и жестокосердию — это еще одна важная антропологическая норма (!), на которую следует обратить внимание [Братусь 1988; Флоренская 2009; Ухтомский 2000].

Мы четырежды употребили определение «антропологическая норма». По меткому замечанию В. И. Слободчикова, само понятие «нормы» в данном случае — это не характеристика среднестатистического уровня развития какой-либо способности, не ссылка на отсутствие выраженной патологии, высокую приспособляемость и непротиворечивость требованиям культуры (как это обычно принято в психологии), а указание на возможности высших достижений становления и развития человека. Более емко и точно: норма — это лучшее, что возможно для человека в пределах его жизненного пути [Слободчиков, Шувалов 2001: 95–96].

Православная антропология и духовное знание в целом являются важными источниками в структуре осмысления, определения и культивирования антропологических норм. Духовность является основой всего, что имеет отношение к человеческой личности. Духовный настрой и связанные с ним нравственные установки явно или скрыто направляют деятельность и поступки человека, определяют образ жизни и поведение в обществе, на работе, в быту. Безусловно, важнейшим и ценнейшим источником духовного знания является Священная библейская история — неисчерпаемый источник нравственного и исторического воспитания для каждого более или менее способного к серьезной интеллектуальной жизни человека. Она явно показывает, что в истории народов нет ничего случайного и произвольного, а земная жизнь людей не бессмысленна. Из библейского

повествования мы знаем, как Господь научает людей Своим словом: Отец Небесный сообщил людям через пророка Моисея, что (выражаясь утилитарным психологическим языком) *если они хотят быть мирны и сохранены*, то им надлежит исполнять десять заповедей Закона Божия; Спаситель рассказал людям, что *если они хотят быть счастливы*, то им следует воспринять заповеди блаженства и на этой еще более совершенной основе строить свою жизнь.

Если адекватно уяснить специфику научного познания, то становится понятным, что духовные представления отнюдь не диссонируют с научными данными и не являются альтернативой гуманитарным научным концепциям, как это иногда пытаются показать (если, конечно, не вставлять априори в позицию отрицания). Скорее это весомое дополнение с позиций особого — трансрационального (по С. Л. Франку) — способа познания. Постигание существа человека исключительно рационально-логическими средствами не может отразить всю глубину и полноту человеческой реальности. Ибо сама эта реальность по существу трансрациональна [Франк 2010].

Антропологические проблемы

В рамках профессиональной психологической практики специалисты сталкиваются с разнообразием проблемных и кризисных ситуаций, каждая из которых требует специального изучения, выработки способов и средств квалифицированной помощи.

Круг причин дисфункционального и деструктивного поведения людей широк и неоднороден. Назовем наиболее распространенные группы причин: клинические — психопатология, аддикции; педагогические — невежество и заблуждение; социальные — конфликтные и дисгармонические отношения в семье и с окружающими людьми; психологические — наследование дисфункциональных и деструктивных моделей поведения и отношений, состояния аффекта, созависимость; духовные — гордыня и бессовестная самонадеянность; правовые — вседозволенность и безнаказанность. Как правило, эти причины сочетаются в различных пропорциях и комбинациях. Анализируя конкретные случаи, мы приучены размышлять и рассуждать следующим образом: «С одной стороны <...> с другой стороны... с третьей стороны...» И в этой замысловатой логике перечисле-

ния можем упускать принципиальную деталь: большинство реальных ситуаций по сути своей не является сугубо психологической, или медицинской, или педагогической, или юридической проблемой. Это прежде всего *антропологические проблемы*, в том числе затрагивающие духовный настрой и личную нравственность человека, связанные с выбором мировоззрения и определением способа своего отношения к ближнему, подразумевающие соблюдение или потерю человеческого облика и достоинства.

Практические психологи отнюдь не по своей прихоти, а по необходимости работают не только в границах психологических феноменов и закономерностей, не только на уровнях междисциплинарных связей и этнокультурных представлений, но и на рубежах сопряжения психологии и этики, гуманитарного знания и духовного знания (конечно, в меру своей образованности и профессиональной искушенности). Б. С. Братусь по этому поводу замечал, что психология из позиции наблюдения, наблюдателя борьбы за человека в человеке сама может входить в область этой борьбы как ее инструмент, орудие, и тогда совершается кардинальный поворот: «из психологии, согласной рассматривать нравственное развитие как частный вариант, сегмент своего применения, она становится *нравственной психологией*, действующей и видящей мир изнутри нравственного пространства, нравственного понимания человека» [Братусь 1997: 78]. Добавим, что речь здесь, видимо, должна идти о психологии как о профессии, т. е. и как о знании, и как о практике.

Сегодня нет необходимости специально доказывать преимущества и эффективность *комплексного подхода* в реализации профессионального психологического сопровождения и квалифицированной помощи людям. При таком подходе мы имеем, условно говоря, горизонтальную матрицу способов и средств помощи, в масштабе которой ограничения психологической компетенции и психологического инструментария при необходимости восполняются. Комплексная помощь позволяет охватывать и прорабатывать в сотрудничестве со смежными специалистами медико-психологические, социально-психологические, психолого-педагогические и психолого-правовые аспекты проблемных и кризисных ситуаций. Они составляют условную «горизонталь» психологической практики, но есть еще и «вертикаль» нравственно-психологической и духовно-психологической проблематики, которая существенно влияет на мотивацию, на поведение, на межличностные отношения, на душевное состояние и качество

жизни людей. И отношение профессионала к духовно-нравственной вертикали — это не вопрос вкуса и пристрастия, а насущная необходимость и всегда нетривиальная проблема, затрагивающая как личность клиента, так и личность специалиста.

Здесь категорически важны соблюдение *принципа антропологического единства* в отношении духовного знания, научного знания и психологической практики и реализация *синергийного подхода* ради активации высших регистров сознания человека — нравственного и духовного — в совместной работе над проблемными и кризисными ситуациями. Можно сказать, что за этой профессиональной установкой стоит стремление специалиста к непротиворечивости его профессиональной позиции и способов ведения практики базовым антропологическим нормам. В русле синергийного подхода возможно сотрудничество специалистов и священнослужителей в сочетании и взаимодополнении задач психологической помощи и душепопечения. Без учета реалий духовно-нравственной вертикали, без внимательного, щепетильного отношения к антропологическим нормам психологическая помощь может оказаться не только малорезультативной, но и опасной для личности — дезориентирующей, травмирующей, токсичной.

Антропологический кризис

«Антропологический кризис» — это философское понятие, употребляемое преимущественно в контексте современности. Антропологический кризис принято увязывать с глобализацией и постепенной утратой людьми своей национальной идентичности и самобытности, масштабной цифровизацией и совокупным влиянием техносферы на условия и образ жизни современного человека, разгулом постмодернизма и падением нравов, управлением сознания и трансформацией мировоззрения. При таком формате рассмотрения остается ощущение недосказанности по поводу его первопричин, начала и возможного исхода. Вместе с тем специфика антропологического кризиса может быть раскрыта и осмыслена в контексте богочеловеческой истории и трех ее кульминационных моментов — творения, падения и спасения человека. Контуры такого рассмотрения могут быть заданы тремя вопросами, на которые мы постараемся лаконично и недвусмысленно ответить.

Вопрос первый: в чем сущностная специфика антропологического кризиса?

Предлагаемый автором ответ: *расчеловечивание человека, растление ума и сердца, оскудение любви и веры, искажение облика и падение потенциала личности ныне живущих людей.*

Вопрос второй: в чем сущностная, глубинная причина антропологического кризиса?

Предлагаемый ответ: *эта причина духовная — апостасия, отпадение людей от Бога, снижение синергийности индивидуальной и общественной жизни.*

Вопрос третий: каков исторический контекст антропологического кризиса?

Предлагаемый ответ: *по своей сути антропологический кризис берет начало еще с праотцев, его отправной точкой становится первородный грех Адама и Евы, повлекший ниспадение их от состояния богоподобия, бессмертия и богообщения в страстность, тленность и смертность; его катастрофический эффект проявляется уже на этапе следующего поколения людей: первенец Адама и Евы Каин¹ поднимает руку на младшего брата и лишает его жизни, в репертуар человеческих деяний входит тяжчайший грех братоубийства; разрушительные последствия ниспадения людей проявляются на планетарном (Всемирный потоп), региональном (вавилонское столпотворение, содомское пятиградие, египетские казни) и локальном (насмешка Хама, продажа братьями Иосифа, сына Иакова, в рабство, любоддеяние Давида и гибель Урии) уровнях; кардинальным, поворотным историческим событием становится Первое Пришествие в мир Спасителя, Которого апостол Павел называет Новым Адамом; Христос берет на Себя страдания за грехи мира и дает людям надежду на спасение; спасение — это плод обоюдного действия (синергии) Божией благодати и личной свободы человека.*

Подытоживая, можно высказать предположение, или даже утверждение, что на протяжении всей человеческой истории люди жили и продолжают жить в условиях перманентного антропологического кризиса.

¹ В русском языке есть такое определение, как «окаянство», — недостойный человека, богопротивный и заслуживающий осуждения образ мыслей и поступков, ведущий к духовной гибели; «окаянный» — по-церковнославянски *каиноподобный*, то есть подобный первому человекоубийце. Интересно, есть ли буквальные аналоги этого определения в других языках?

Глобализация, «технократизация», «постмодернизация» жизни людей — это, так сказать, сопутствующие факторы и обстоятельства. Но, как справедливо замечал иеромонах Серафим (Роуз): *«Истинный кризис не вне, а внутри нас, и выбор таков: принять или отвергнуть Христа. Христос — вот наш кризис. Выберем ли мы Бога, единственно Сущего, или нашу самость, самих себя, которые ничто без Бога? Вот он — единственный выбор, стоящий перед нами. Наш век делает все, чтобы мы забыли об этом, отказались решить этот вопрос, то есть фактически выбрали бы самость, пустоту, ад».*

Секулярная антропология: от антропоцентризма к дегуманизации

Представления о человеке и его природе существуют как в христианских, так и в нехристианских формах. Среди последних доминирующее положение в современном мире занимает секулярный гуманизм. Поборники и проводники гуманистических убеждений составляют довольно пеструю коалицию. Но, несмотря на все различия в течениях и направлениях мысли, нехристианские гуманисты имеют общее ядро убеждений. Эти убеждения были сформулированы в трех «Гуманистических манифестах» и в совокупности составили идейный багаж современной секулярной антропологии. Главный принцип гуманизма — *антропоцентризм*, платформа и метод — *отрицание традиции и обмирщение сознания*, кредо — *«человек мера всех вещей»*, главные ценности — *земная жизнь, свобода и возможность самовыражения человека*, цель — *максимизировать жизнь здесь и теперь: «все для блага человека»*, главный тезис — *самодостаточность человека*. Основные убеждения — *атеизм* в вопросе о существовании Бога, *натурализм* и отрицание сверхъестественного, *эволюционизм* в вопросах происхождения и перспектив развития человека, *релятивизм* в вопросе нравственных ценностей, *оптимизм* относительно природы человека и будущего человечества, *«здоровый смысл»* и *«здоровый эгоцентризм»* в методах достижения индивидуальных и общественных целей.

В 1933 г. в США публикуется Первый гуманистический манифест — программный документ апологетов секулярного гуманизма, главная идея которого состояла в необходимости создания новой нетрадиционной гуманистической доктрины, которая должна прийти на смену традиционным верованиям и воодушевить человечество к построению

всемирного эгалитарного общества. Эта доктрина проповедует самоценность человека и ориентирует людей исключительно на мирские цели и ценности. Подписание и опубликование Первого гуманистического манифеста стало началом влиятельного гуманистического движения как в Соединенных Штатах, так и в других странах мира.

К 1973 г. подготовлен и публикуется Второй гуманистический манифест, в котором подтверждается преимущество гуманистической доктрины и предлагается проект всемирного светского общества, целью которого должна стать *«реализация потенциала каждого конкретного индивида»*. В тексте манифеста нарочито преобладает тональность скептицизма и богоборческих настроений: *«никакое Божество не спасет нас; мы должны спасти себя сами»*. Под сурдинку «позитивных принципов» и нацеленности на всеобщее благоденствие пропагандируются права человека на расторжение брака и сексуальную свободу, контроль над рождаемостью и прерывание беременности, эвтаназию и самоубийство.

В 2003 г. опубликован Третий гуманистический манифест, который в своих ключевых положениях перекликается с двумя предыдущими: *«способность и долг человека вести нравственную жизнь личного совершенствования, направленную к высшему благу всего человечества»*. Гуманизм объявил человека источником нравственности и всякой нормативности. Идеал и норма перестали иметь отношение к нравственности, понимаемой в религиозном смысле: нет никаких Богом данных нравственных норм и ценностей; человек сам выбирает для себя такие нормы и ценности; эти нормы и ценности обусловлены ситуацией, относительно и подвержены изменениям. Гуманисты назначили человека мерой всех вещей и, более того, мерой самого себя.

Отрицание традиции становится способом мышления и идентификации человека западной цивилизации и культуры. «Традиция означает само христианство, Церковь и все, что связывает общество с христианским Преданием, т. е. обряды, нормы общественной морали, поведенческие привычки (“традиция” и есть “предание”). Причина борьбы с христианским наследием заключается в ключевом положении христианства о том, что человеческая природа искажена первородным грехом и несовершенна, а преображение человека не может совершиться только личными усилиями, без Божественной помощи. Это подрывает основу гуманизма, лишает его риторику соблазнительной силы. Отказавшись от христианской идеи

о нравственном несовершенстве человека, гуманисты провозгласили, что каждый человек по своей природе добр и прекрасен, и лишь его невежество (непросвещенность) или неблагоприятные внешние социальные условия мешают ему проявить себя с этой лучшей стороны» [Щипков 2018: 11–12].

Во второй половине XX в. в условиях отпадения западного общества от ценностей традиционной культуры формируется постмодернизм — специфическое умонастроение и мировоззрение с претензией на переосмысление самой сущности культуры, места и назначения человека в мире. Человеческое бытие в постмодернизме получает весьма сомнительное толкование. Вслед за «смертью Бога», провозглашенной Ф. Ницше, постмодернисты заявляют о «смерти человека», имея в виду уход с исторической сцены людей, ориентированных на традиционные ценности. Постмодернизм упраздняет нормы морали и раскрепощает человека: всё относительно и все допустимо, вплоть до принципа «ничего святого». Возникнув как явление духовной жизни Запада, постмодернизм на рубеже 1980–1990-х гг. преодолел границы западного общества и стал распространяться на просторах глобального мира, проникая во все сферы жизнедеятельности людей, подтачивая менталитет и расшатывая устои.

Кульминацией секулярной антропологии стали идеи трансгуманизма: развитие учения о совершенствовании человека внешними средствами, без обращения к его воле и нравственному чувству. Трансгуманизм — поздняя, радикальная форма гуманизма — представляет собой идеологию, политическую позицию и общественное настроение, продвигающие использование достижений науки и технологии для оптимизации умственных и физических возможностей человека. Трансгуманисты намерены с помощью ультрасовременных технологий (искусственного интеллекта, нанотехнологий, геной инженерии, «загрузки сознания») избавить людей от болезней и страданий, продлить жизнь, а в перспективе и вовсе избавить человечество от старения и смерти. К трансгуманизму примыкает постгуманизм — представление о том, что эволюция человека не завершена, она должна продолжаться, в том числе при активном использовании передовых технологий.

Умеренные исследователи и консервативные эксперты предупреждают, что распространение и реализация трансгуманистических идей в конечном итоге чреваты «дегуманизацией» — сломом «культурных и цивилизационных основ, на которых строится само понимание человека, трансфор-

мацией человека и в биологическом, и в социальном смысле в совершенно иное существо, размывание и деконструкцию границ, формирующих человеческую личность» [Доклад Института национальной стратегии «Консерватизм как фактор мягкой силы России». 2014: 99]. К проблеме дегуманизации относятся такие специфические, этически сложные и спорные вопросы, как генные эксперименты и эмбриональные технологии, при которых ребенок рассматривается в большей степени как продукт и товар, ювенальная юстиция, эвтаназия, биологическая трансформация человека, гипертрофированная поддержка прав ЛГБТ-сообщества и однополые браки, виртуальная реальность и мозаичная культура, тотальная прозрачность и размывание права на частную жизнь.

Секулярный гуманизм в своем развитии некоторым образом напоминает библейский сюжет о вавилонском столпотворении. Только объектом притязания людей стала не «башня до небес», а «самость до небес». И исторические итоги тоже схожи, в данном случае — умножающееся интеллектуальное и ценностное разноязычие.

Используя христианские понятия и представления, можно утверждать, что если изначально гуманизм соблазняет, дезориентирует, сбивает человека с «царского пути» возрастания и преображения, то трансгуманизм уже непосредственно склоняет к разрушению в человеке образа и подобия Божия, обезличивает и обесценивает его.

Гуманизм — это намеренный выбор и разворот человека в сторону самости, который изначально и лежит в основе антропологического кризиса. Гуманистическая доктрина «обожествляет» человека в его нравственном несовершенстве и своеволии, подпитывает самонадеянность и гордыню, что, по нашему глубокому убеждению, неизбежно приводит к новым рубежам нисхождения. Видимо, поэтому «посевы» гуманизма на деле дают сомнительные «всходы» эгоцентризма и аморальности, а вместе с ними и умножение искривлений и недостатков человеческой личности.

Новые антропологические тенденции

Во второй половине 90-х гг. прошлого века в американской околопсихологической литературе появилось определение «дети-индиго». Феномен «индиго» назвали по признаку, выделенному экстрасенсорно: особенные дети с энергетической аурой синего свечения выдавались за новую

человеческую генерацию. По сути, спекулятивное понятие, не имеющее под собой достоверных научных обоснований, преподносилось как открытие в области психологии и породило на какое-то время ажиотаж среди педагогов, психологов, врачей и родителей по обе стороны океана, в том числе и в России. Апологеты этой мистификации в своих комментариях не стеснялись в выражениях: от многозначительных характеристик «странные дети», «раскрепощенные дети», «нестандартные дети» до откровенно высокопарных эпитетов типа «посланцы Небес» и «носители высокой духовности». Главным отличительным признаком «детей-индиго» объявлялась их «царственность» — изнутри идущая уверенность в себе и своей значимости: они как будто от рождения уверены в том, что совершенны и безупречны, и ведут себя соответствующим образом. Другая характерная черта — непризнание авторитетов и правил, если те идут вразрез с их собственным мироощущением и настроением: ребенка-индиго затруднительно побудить что-либо делать или соблюдать, если ему это не нравится. Им также приписывали высокий интеллект, творческую одаренность и незаурядность. Однако, встречаясь с консервативными взглядами, общими требованиями и стандартными подходами (воспринимаемыми не иначе как давление и неприятие), такие дети склонны сначала теряться, потом замыкаться в себе и страдать от одиночества и непонимания. Или протестовать самым радикальным образом.

«Заскорюзлому общественному сознанию» предлагалось в духе гуманистической доктрины сменить полярность и начать подходить к непохожим детям не с негативной позиции «болезнь, порок, ненормальность», а с позитивным посылом «особенность, отличие, самобытность». Поведенческие проявления, которые с точки зрения медицины было принято считать симптомами мозговой дисфункции или неустойчивой дисгармонической психики, с точки зрения психологии — девиацией и дезадаптацией, с точки зрения педагогики — невоспитанностью и распущенностью, стали называть признаками феномена «индиго».

Специалисты со стажем, возможно, вспомнят в этой связи, что и прежде в отечественной педагогике употреблялись понятия «трудновоспитуемые» и «труднообучаемые», такие дети составляли умеренную и относительно стабильную долю среди обычных учеников. По нашим сугубо эмпирическим наблюдениям, в последние десятилетия число, аккуратно выражаясь, «проблемных» и «неудобных» детей действительно возросло.

Примерно в этот же период в 1998 г. в Японии выходит книга психиатра Тамаки Сайто «Социальное затворничество: бесконечная юность», в которой он описывает еще один необычный современный феномен — «хикикомори». **Хикикомори (сокр. «хикки»)** — японский термин, обозначающий людей, стремящихся к уединению и полной социальной изоляции. Ночью они бодрствуют, проводя время у монитора компьютера, днем отсыпаясь. Общаются с внешним миром через Интернет. Их обычный ежедневный маршрут — комната, туалет и кухня, где в холодильнике или на плите можно найти еду, приготовленную для них родителями. И так изо дня в день на протяжении недель, месяцев и лет. Министерство здравоохранения Японии относит к этой категории совершеннолетних лиц, которые больше шести месяцев находятся в замкнутом пространстве, не желают общаться с окружающими, в том числе и с ближайшими родственниками, отказываются от какой-либо личной и карьерной реализации и живут, как правило, на иждивении родителей. Течение явления зависит от индивидуальных особенностей человека, некоторые хикикомори пребывают в изоляции по несколько лет подряд, а в отдельных случаях — и десятки лет.

По данным отчета правительства Японии от 2010 г., в стране насчитывалось около семисот тысяч лиц, ведущих образ жизни хикикомори, чей средний возраст составлял 31 год. Вдобавок к этому эксперты предполагали, что еще около полутора миллиона человек находятся на грани превращения в хикикомори, что в целом составляет более одного процента населения страны. Ввиду очевидных проблем с подсчетом установить точное число хикикомори затруднительно. В японском обществе хикикомори воспринимаются как тунеядцы, живущие за счет родителей, и не вызывают сочувствия. Наличие в семье хикикомори считается позором, поэтому родители хикикомори зачастую воздерживаются от обращения к специалистам.

Проблема хикикомори получила в Японии название «Вызов 2030 года» — временной рубеж, когда уйдут из жизни родители затворников. К 2020 г. ее еще начали называть «Проблема 8050» — содержание 80-летними родителями 50-летних хикикомори. Японские власти стремятся сократить число хикикомори. По состоянию на 2020 г. во всех японских префектурах действовали государственные центры поддержки хикикомори, оказывающие содействие в поиске работы и обращении к специалистам. Многие хикикомори избегают обращений в эти центры.

Т. Сайто взял понятие «социальное затворничество» (англ. «social withdrawal», яп. «сякайтэки хикикомори») из стандартной классификации психических расстройств Американской психиатрической ассоциации, в которой социальное затворничество рассматривалось исключительно как симптом некоторых психических расстройств. При этом Т. Сайто предложил рассматривать «социальное затворничество» как самостоятельное явление, своего рода субкультуру.

Феномены социального затворничества, Интернет-зависимости и иждивенчества в последние десятилетия получили распространение не только в Японии, но и в других странах современного цивилизованного Севера — США, Европы и России. В Америке таких людей называют «basement dwellers» (переводится как «обитатели подвалов»), а в Европе — «NEET» (Not in Employment, Education or Training — «поколение ни-ни»: не работает, не учится). В России молодые люди с такими наклонностями тоже встречаются, и есть основания полагать, что их численность неуклонно возрастает.

Дети в изменяющемся мире

В 2010 г. действительный член РАО Д. И. Фельдштейн выступил с докладом «Изменяющийся ребенок в изменяющемся мире». В докладе заявлено, что масштабные изменения культурно-исторической среды кардинально изменили ситуацию развития и функционирования самого человека. Особенную озабоченность вызывает то, что глобальные трансформации сопровождаются, в частности, «объективно и субъективно нарастающей психологической отчужденностью взрослых от мира детства, порождающей опасность деструктивирования всей системы культурно-исторического наследования» [Фельдштейн 2010: 7]. Дети поставлены в принципиально новую ситуацию — ситуацию нарушенных границ и разорванных связей, когда уже с раннего возраста они оказываются в нерегулируемом социальном пространстве. Их сознание фрагментировано хаотичной информацией, идущей из телевизора и Интернета, которая вытесняет знания и девальвирует ценности, транслируемые родителями, воспитателями, учителями, и открывает бескрайнее поле для разного рода суррогатных форм развлечений, коммуникаций и манипуляций. Оккупация сознания влечет за собой присвоение чуждых отечественной культуре образцов поведения, актуализацию потребительства, равнодушие в отношениях.

Обобщая независимые исследовательские данные², Д. И. Фельдштейн приходит к выводу, что «совокупность реальных изменений исторической ситуации объективно обусловила качественные психические, психофизиологические, личностные изменения современного ребенка» [Там же]. Ребенок 2010 г. качественно отличается от ребенка 90-х гг. XX в. При этом, по мнению Фельдштейна, ребенок не стал хуже или лучше своего сверстника 20-летней давности, он просто стал другим! Однако, когда уважаемый академик приоткрывает содержательную сторону этих изменений, появляются сомнения в справедливости его итоговых оценок. Судите сами (далее мы лишь беспристрастно воспроизведем последовательность выявленных им изменений): «резко снизилось когнитивное развитие детей дошкольного возраста»; «снизилась энергичность детей, их желание активно действовать, при этом возрос эмоциональный дискомфорт»; «отмечается сужение уровня развития сюжетно-ролевой игры дошкольников, что приводит к недоразвитию мотивационно-потребностной сферы ребенка, а также его воли и произвольности»; «выявлены крайне низкие показатели в тех действиях детей, которые требуют внутреннего удержания правила и оперирования в плане образов, фиксируется неразвитость внутреннего плана действия, сниженный уровень детской любознательности и воображения: детям оказывается недоступным то, с чем легко справлялись их ровесники три десятилетия назад»; «обращает на себя внимание неразвитость тонкой моторики рук старших дошкольников и отсутствие графических навыков»; «достоверно установлен дефицит произвольности как в умственной, так и в двигательной сфере дошкольника»; «отмечаются недостаточная социальная компетентность детей младшего школьного возраста, их беспомощность в отношениях со сверстниками, неспособность разрешать простейшие конфликты»; «массовое приобщение детей к телеэкрану и экрану компьютерного монитора (экранный зависимость) приводит к неспособности ребенка концентрироваться на каком-либо занятии, отсутствию интересов, гиперактивности, рассеянности, агрессивности»; «наблюдаются снижение социального интереса, обеднение и ограничение общения детей

² Имеются в виду материалы исследований, проведенных в Психологическом институте РАО, Московском городском психолого-педагогическом университете, на факультете психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, в Институте психологии РАН, Гуманитарно-художественном институте Нижегородского архитектурно-строительного университета.

со сверстниками, снижение уровня коммуникативной компетентности, переживания одиночества и отвержения»; «растет число детей с эмоциональными проблемами из-за чувства незащищенности, накопления отрицательного опыта и отсутствия поддержки со стороны близких»; «наблюдения за динамикой физического развития детей выявили тенденцию к прогрессивному снижению темпов их продольного роста, нарастанию астенизации телосложения, отставанию в приросте мышечной силы»; «возрастает распространенность основных форм психических заболеваний»; «резко возрастает категория детей, которую по нейропсихологическим показателям следует считать пограничной между нормой и патологией»; «зафиксировано значительное число детей с ограниченными возможностями здоровья, включая общее психическое недоразвитие (олигофрения) и дисгармоническое развитие (психопатии)»; «наблюдается всплеск индивидуализма подростков, возрастает их критичность по отношению к взрослым» [Там же: 8–9]. Хочется переспросить автора доклада: все это называется «не хуже и не лучше» и «просто стал другим»?!

Только четырнадцатым пунктом своего обзора Д. И. Фельдштейн сообщает об условно положительной тенденции — увеличении категории одаренных детей, в числе которых интеллектуально одаренные, художественно одаренные, двигательно одаренные, дети-лидеры и дети — «золотые руки». Но уже буквально следом ссылается на негативную динамику культурных и общественных ценностных ориентаций школьников. Доминируют здесь интеллектуальные (кругозор, рационализм, прагматизм), волевые (настойчивость, решительность, установка на высокий уровень достижений) и соматические (хорошее здоровье и презентабельная внешность) ценностные ориентации. Эмоциональные и нравственные ценности — чуткость, терпимость, сопереживание, милосердие — занимают последние места. Но именно эти качества традиционно особенно ценились в отеческой культуре как атрибуты подлинной человечности, можно сказать, *личностной одаренности* человека.

Д. И. Фельдштейн в своем докладе признал наличие неблагоприятного прогноза относительно перспектив здоровья и развития детей, который обусловлен ослаблением факторов противодействия нарастающим негативным влияниям. В частности, кризисом института семьи, который ощутимо отражается на снижении качества семейного воспитания. Эмпирические наблюдения последних лет показывают, что неблагоприятный прогноз в той или иной мере сбывается.

Эмпирические наблюдения: от эгоцентризма к деструктивности

В. Франкл начинает свою знаменитую книгу «Человек в поисках смысла» словами: «У каждого времени свои невроты» [Франкл 1990: 24]. Действительно, за более чем тридцатилетний опыт профессиональной практики автору периодически приходилось наблюдать волнообразные изменения в содержании и степени кризисности обращений за квалифицированной психологической помощью. В период опубликования доклада академика Д. И. Фельдштейна нами в рамках повседневной консультационной и психокоррекционной работы в структуре первичных обращений были выделены, описаны и изложены в публикациях три наиболее злободневные тенденции [Шувалов 2013а: 137–138; 2013б: 264–265; 2014: 3–4; 2018: 178–180].

Во-первых, это *разнообразные проявления аномального эгоцентризма*, заметно выходящие за рамки условно нормативного возрастного эгоцентризма: сдвиг в умонастроении и поведении детей от естественной детской романтичности к противоестественной расчетливости и скептицизму. В поведении детей дошкольного и школьного возраста наблюдается гипертрофированное своеобразие, поверхностность и/или приземленность интересов, отсутствие чувства здоровой сентиментальности по отношению к другим, моральная незрелость или моральная распушенность, склонность к пренебрежению социальными и нравственными нормами. Мы полагали, что основными причинами этой тенденции являются, с одной стороны, критическое ослабление воспитательного влияния семьи, системы образования и общества в целом, с другой стороны, дезориентирующее и растлевающее влияние на сознание детей массовой культуры потребления и откровенной контркультуры, насаждаемых современными СМИ, Интернет-платформами и индустрией развлечений.

Во-вторых, это *формирование зависимостей нехимического генеза*: массовое перерастание фазы пристрастного увлечения в фазу зависимого поведения, связанное с широким распространением и доступностью для несовершеннолетних сначала игровых электронных приставок, потом компьютеров и Интернета, позднее гаджетов. В профессиональный и житейский обиход входят понятия «компьютерная зависимость», «интернет-зависимость», «гаджет-зависимость». У детей и подростков все чаще

выявляются признаки кибермании (одержимого увлечения компьютерными играми и другим интернет-контентом). Как правило, мы сталкиваемся с двумя типами ситуаций. Сначала это легкомысленно-попустительское отношение со стороны родителей, когда они не придают значения страстному увлечению ребенка или, более того, используют компьютерные игры в качестве поощрения, например, за хорошие оценки в школе. Позднее, когда незаметно утрачивается контроль над ситуацией, растерянные родители признаются в своем бессилии перед зависимым поведением ребенка.

В-третьих, это *массовые негативные явления, обусловленные последствиями реформирования отечественной системы образования*. Среди них субклинические нарушения психоэмоционального состояния и отклонения в поведении детей дошкольного возраста, спровоцированные порочной практикой интенсивного вовлечения детей в учебные формы деятельности в рамках программ «подготовки к школе». Здесь цель так называемого предшкольного образования сводится к «натаскиванию» детей к школе. Данная тенденция сопряжена с пренебрежением возрастных интересов, возможностей и особенностей детей и в итоге оборачивается существенными рисками для их здоровья и развития. Далее следуют проблемы дефицита мотивации учебной деятельности и школьной неуспеваемости среди учащихся начальной и средней школы, обусловленные ранней «интеллектуализацией» и форсированным началом школьного обучения. Они влекут за собой сначала защитный регресс, когда дети вместо того, чтобы усердствовать в учении, предпочитают играть, а в итоге оборачиваются функциональными нервно-психическими расстройствами и деформациями личностного развития школьников. Кульминацией становятся проблемы апатии или протестного поведения учащихся старшей школы, вызванные тем, что учебный процесс снова принимает форму «натаскивания», теперь уже на ОГЭ и ЕГЭ. Трудно изо дня в день нести бремя «сизифова труда», в котором так мало содержания и смысла. Родители сетуют, что не могут по утрам разбудить детей, поднять и отправить их в школу, или дети уходят из дома в школу, но до школы так и не доходят. При этом в рамках консультативных бесед и психологической диагностики клинические (болезненные состояния) или социально-психологические (конфликты со сверстниками или учителями) причины не выявляются.

По достижению совершеннолетия проблемы усугубляются: среди 20–30-летних в рамках психологической практики заметно чаще стали на-

блюдаться проявления праздного отношения к жизни, асоциальных и инфантильно-иждивенческих тенденций. Получается, будто современное общество воспроизводит поколения самозамкнутых, деформированных и деморализованных людей, уязвимых и податливых к проискам врага рода человеческого. В этой связи вспоминается Кай — герой сказки Г. Х. Андерсена «Снежная королева». Мальчик, которому в глаз попал осколок разбитого дьявольского зеркала, и его сердце «оледенело», по сути, стало невосприимчивым к истинному, доброму и прекрасному, и его внутренний мир опустел.

Созерцая эти картины, начинаешь остро чувствовать и осознавать, как современным детям, закупоренным в компьютерных играх-стратегиях и заблудившимся в социальных сетях, не хватает живительного опыта добрых дел, духа мальчишеского братства и чувства причастности к непреходящим ценностям, которые, выражаясь словами из песни Сергея Трофимова «Родина», «не купить и не отнять».

Увы, сегодня есть весомые поводы говорить о разрыве межпоколенных связей и разобщении старших и младших; о снижении уровня взаимного доверия между людьми и десолидаризации общества в целом; об ориентации значительной части граждан на постмодернистский идеал самодостаточного человека и соответствующую ему модель жизни; об обесценивании человеческой жизни как таковой в современном социокультурном контексте (в искусстве, например, произошло утверждение деструктивного начала в качестве стилеобразующего фактора, который продуцирует и рассеивает образы порока, агрессии, деградации, распада, наводнившие литературу, кинематограф и масс-медиа).

В 2010–2013 гг. практические психологи оказались перед новым вызовом — всплеском обращений с явными и косвенными проявлениями суицидальных рисков среди несовершеннолетних, включая суицидальные попытки и другие инциденты аутодеструктивного поведения. По данным открытых источников, на тот момент в России сложилась крайне неблагоприятная ситуация с проблемой детских суицидов. По данным ВОЗ, на период 2012 г. Россия занимала первое место в Европе по количеству самоубийств среди подростков и шестое место в мире по числу суицидов среди всех возрастов. Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка Павел Астахов назвал тогда детские суициды государственной трагедией. А главный психиатр Минздравсоцразвития РФ Зураб

Кекелидзе призвал к разработке государственной программы профилактики самоубийств.

Существует специальный взгляд на проблему (с позиций суицидологии): случаи добровольного ухода из жизни были всегда; есть люди, склонные к суицидальному поведению; соответственно, нужно уметь своевременно выявлять суицидентов и оказывать им квалифицированную помощь. Суицидологические исследования не подтверждают утверждения, что большинство самоубийц — душевнобольные (по параметрам большой психиатрии). Также развенчан миф о том, что чаще сводят счеты с жизнью дети из социально неблагополучных семей. Существенную роль в этиологии суицидального поведения среди несовершеннолетних играет размещение в сети Интернет информации, популяризирующей самоубийства, провоцирующей ребенка на лишение себя жизни. Но, по данным экспертов, озвученным на Всероссийской научно-практической конференции «Сухаревские чтения. Суицидальное поведение детей и подростков: эффективная профилактическая среда» (Москва, 14–15 ноября 2017 г.), лишь некоторая доля суицидентов посещала упомянутые сайты и находилась под влиянием «групп смерти».

Проблема суицида, в особенности детского суицида, — страшная, сложная и, надо признать, рационально до конца не объяснимая. Детство, отрочество — это время встреч, открытий, мечтаний, когда все интересно, когда каждый день полон новизны и очень хочется жить. К тому же в человеке заложен серьезный потенциал прочности, в том числе в виде инстинкта самосохранения. И только действие очень мощного, противоестественного, духовно противостоящего человеку метафизического фактора способно сломить инстинкт самосохранения в этот возрастной период. Поэтому очень важно понять, что ослабляет, обезоруживает человека под давлением этой силы, а что укрепляет и защищает его.

В дополнение к специальным (клиническим) исследованиям была предпринята попытка изучения культурно-исторических и духовно-психологических предпосылок суицидального поведения [Шувалов 2013а, 2013б, 2018]. Проведенный анализ позволил сделать вывод, что суициды составляют только часть куда более масштабной тенденции возрастания деструктивности в поведении и образе жизни людей. К этой категории можно отнести уклонение от родительской ответственности и аборты, ситуативные и систематические проявления враждебности, агрессии и же-

стокости, акты физического, психологического и сексуального насилия, домогательства и нападения педофилов на детей, употребление психоактивных веществ, гендерную запутанность, стремление к радикальной трансформации своего строения и своей внешности, самоповреждения, беспорядочные половые связи, склонность к неоправданному риску, включая действия, подвергающие опасности жизнь и здоровье других людей. Сюда же можно отнести кощунственное смехачество: высмеивание всего и вся, включая подлинные ценности и добродетели, принижение и смешивание их с грязью. Широкое распространение получили и менее заметные, латентные формы деструктивного поведения. В частности, длительное праздное времяпровождение с персональным компьютером или гаджетом; систематические нарушения режима сна/бодрствования со склонностью перед сном подолгу засиживаться с компьютером или гаджетом и, как следствие, хроническое недосыпание. Подобные привычки распространились в том числе среди школьников и крайне негативно влияют на их настроение, самочувствие и работоспособность, а в конечном итоге и на общее состояние здоровья людей. Суицидальные инциденты как бы подытоживают эту неблагоприятную картину, а совокупные данные дают основания поднять вопрос о *фактологии снижения жизнеспособности людей* (самая мягкая из возможных формулировок) в контексте более общей проблемы — современного этапа антропологического кризиса.

«Безблагодатная сила хила», — читаем мы в толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля. Отчуждение от духовной традиции и переориентация на постмодернистский идеал самодостаточности разжигают в людях эгоцентризм, побуждают своенравие и самонадеянность, влекут, с одной стороны, редукцию ценностей, страстность и ненасытность³, с другой — нарастающее опустошение, упадок сил, переживание бессмысленности и тупиковости жизни и так подводят к общему снижению жизнеспособности, т. е. к деградации и вырождению. Вне здоровой иерархии, в отрыве от жизненно главного и подлинно ценного человек страдает равнодушием, малодушием, криводушием, вплоть до атрофии

³ Продажа, обмен своей внутренней человеческой сути, сопричастности роду («бессмертной души») на любые возможные вещные блага — вечную молодость, славу, богатство, власть — в мифах, преданиях и сказках всех народов расценивались как тягчайшее падение человека, его «сделка с дьяволом» (Братусь 1988: 29).

и омертвления души — «окамененного нечувствия», и в конечном итоге склоняется к разрушительным деяниям в отношении других и самого себя.

Святитель Николай Сербский в своем дневнике, который был впервые опубликован в 1923 г., предупреждал о том, что мы переживаем теперь: *«Существует пять основных импульсов, движущих людьми: личная прибыль и собственные удовольствия; семейные и кровные узы; общественные законы; совесть; чувство присутствия Живого Бога. Пятый импульс — первая линия обороны; если человек не удержит ее, отступает на вторую (четвертый импульс); не удержав вторую, отступает на третью (третий импульс) и так далее, до первого. Так происходит деградация человека, деградация и гибель. Гибель, ибо и последнюю линию обороны может потерять человек. И тогда ему уже не остается ничего, кроме тупого безразличия ко всему, отчаяния и — самоубийства»* [Николай Сербский 2010].

Эгоцентризм — «ахиллесова пята» человека: его замкнутость на себе, на своих интересах, прихотях и пристрастиях становится фактором риска и переходной формой к деструктивным и/или аутодеструктивным действиям. Возобладание постмодернистских тенденций в обществе ведет к кардинальной смене (перекодировке) приоритетов человеческого бытия. Ориентация на нравственное достоинство, крепкую семью, служение Отчизне и обществу подменяется признанием самоценности отдельной (обособленной) личности, поощрением ее самовыражения, самоутверждения и самоублажения любыми средствами и любой ценой. «Ты должен быть успешным и счастливым, богатым и сексуально удовлетворенным во что бы то ни стало, потому что жизнь одна — и надо ловить момент» [Хагуров 2011: 132]. При этом других людей начинают воспринимать сугубо в рамках этого императива: они являются или средством, или конкурентами, или досадной помехой на пути. При таком целеполагании в обществе нарастают аномия и девиации: люди начинают действовать уже не только за счет других и в ущерб другим, но и против других. И эти действия могут принимать самые радикальные и бесчеловечные формы социального террора. Документальной фиксацией роста ожесточения в обществе является хронология случаев открытого насилия и массовых убийств в российских школах и вузах в период 2014–2021 гг. [Хагуров 2023: 75–78]. Пятнадцать эпизодов — вершина «айсберга окаянства». Подобный вариант развития событий автор публично прогнозировал десять лет назад, как раз предпо-

лагаемая неминуемую трансформацию фазы распространения аномального эгоцентризма в фазу нарастания деструктивности [Завтра они займут ключевые позиции. 2013: 39–40].

Умножилось число людей, чье субъективное, ментальное, нравственно-психологическое состояние можно охарактеризовать как пограничное или противоречащее антропологическим нормам. Различимы и описаны его поведенческие формы: нарциссические («дети индиго»), аутистические (хикикомори), фанатические, конформистские, суицидальные. Вторичные проявления таких состояний — депрессия, агрессия, зависимое поведение. Однако их внутренние сущностные характеристики не улавливаются посредством сложившихся медико-психологических, социально-психологических или психолого-педагогических понятий и представлений, не укладываются в рамки типовых классификаций психических расстройств и заболеваний. Такие состояния имеют специфические духовно-психологические предпосылки и проявления и требуют особого внимания, вдумчивого анализа и осмысления именно в этой своей части. Наряду с законами мироустройства (законами природы) в мире неотвратимо действуют и другие — духовные законы. Антропологический кризис по сути есть непрерывное свидетельство того, как люди, пренебрегающие и нерадеющие на ниве положительной духовности, попадают под влияние и попадают в сети духовности негативной. Важным источником и верным подспорьем такого рода анализа, осмысления и поиска пути решений может стать православная антропология.

Выводы

1. Эмпирические наблюдения и профессиональная рефлексия позволяют выделить в структуре обращений за квалифицированной психологической помощью и в содержании повседневной консультативной и коррекционной работы две взаимосвязанные негативные тенденции: от возрастания проявлений аномального эгоцентризма к возрастанию деструктивных и аутодеструктивных проявлений в поведении и образе жизни людей.

2. Тенденции аномального эгоцентризма и деструктивности затронули широкий возрастной диапазон и распространяют деформирующее и разрушительное влияние на сферы здоровья, развития, поведения, эмоционально-нравственного облика и межличностных отношений людей.

3. Аномальный эгоцентризм и деструктивное поведение представляют собой сложные духовно-психологические феномены, которые могут быть восприняты и истолкованы как маркеры современного этапа антропологического кризиса.

Послесловие

Справедливости ради признаем, что фактология антропологического кризиса отнюдь не исчерпывает всей полноты картины современной действительности. Другую ее сторону образно засвидетельствовал писатель М. Н. Задорнов: *«Поездив по России, я сделал для себя вывод, что в России обозначились роднички с живой водой. И скоро они будут собираться в ручейки, а потом и в полноводные реки. И этим уже будут заниматься молодые люди...»* В России возрождается потребность в здоровом традиционализме. Люди пробуждаются к духовному бодрствованию и трезвению. Это обнадеживает.

Литература

- Братусь Б. С. Аномалии личности. Москва : Мысль, 1988.
- Братусь Б. С. Образ человека в психологии // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / под ред. Д. А. Леонтьева, В. Г. Щур. Москва : Смысл, 1997.
- Василюк Ф. Е. Культурно-антропологические условия возможности психотерапевтического опыта // Культурно-историческая психология. 2007. Т. 3. № 1.
- Завтра они займут ключевые позиции // НаркоНет. 2013. № 4 (101).
- Консерватизм как фактор мягкой силы России: Доклад института национальной стратегии // Тетради по консерватизму. 2014. № 2 (2).
- Николай Сербский, свт. Мысли о добре и зле / пер. с серб. И. Чароты. Минск : Изд-во Д. Харченко, 2010.
- Серафим (Роуз), иеромонах. «Сейчас позже, чем мы думаем». Избранные изречения отца Серафима (Роуза). URL: <https://pravoslavie.ru/106088.html> (дата обращения: 20.03.2019).

- Слободчиков В. И., Шувалов А. В. Антропологический подход к решению проблемы психологического здоровья детей // Вопросы психологии. 2001. № 4.
- Сухаревские чтения. Суицидальное поведение детей и подростков: эффективная профилактическая среда, 14–15 ноября 2017 г., Москва : Сбо. статей под общей редакцией канд. мед. наук М. А. Бебчук. [Электронное издание]. Москва : ГБУЗ «НПЦ ПЗДП им. Г. Е. Сухаревой ДЗМ», 2017.
- Ухтомский А. А. Доминанта души. Рыбинск : Рыбинское подворье, 2000.
- Фельдштейн Д. И. Изменяющийся ребенок в изменяющемся мире: психолого-педагогические проблемы новой школы // Национальный психологический журнал. 2010. № 2 (4).
- Флоренская Т. А. Мир дома твоего. Человек в решении жизненных проблем. Москва : Русский Хронограф, 2009.
- Франк С. Л. Человек и Бог. Минск : Белорусская Православная Церковь, 2010.
- Франкл В. Человек в поисках смысла. Москва : Прогресс, 1990.
- Хагуров Т. А. Девиантология — социология и психология зла. Москва : ИНФРА-М, 2023.
- Хагуров Т. А. Человек потребляющий. Антропологическая девиантология массовой культуры. Saarbrücken : Lambert Academic Publishing, 2011.
- Шувалов А. В. Антропологический кризис как источник суицидального поведения несовершеннолетних // Известия Саратовского университета. Серия: Акмеология образования. Психология развития. Вып. 3 (7). 2013б.
- Шувалов А. В. Детские суициды: попытка осмысления проблемы // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. 2013. № 2 (29).
- Шувалов А. В. Культурно-исторические и духовно-психологические предпосылки суицидального поведения несовершеннолетних в современной России // Богословско-исторический сборник. Вып. 10. Калужская духовная семинария, 2018.

- Шувалов А. В. Психолого-педагогические аспекты реализации воспитательного идеала // Вопросы психологии. 2014. № 5.
- Щипков В. А. Секулярные основания и утопические черты идеологии трансгуманизма // Вестник Московского университета. Сер. 12.: Политические науки. 2018. № 3.

References

- [Conservatism as a factor of Russia's Soft Power. Report of the Institute of National Strategy]. *Tetradi po konservatizmu* [Notebooks on conservatism]. 2014, no. 2 (2). (In Russ.)
- Bratus' B. S. [The image of man in psychology]. *Psikhologiya s chelovecheskim litsom: gumanisticheskaya perspektiva v postsovetsoi psikhologii, pod red. D. A. Leont'eva, V. G. Shchur* [Psychology with a human face: a humanistic perspective in post-Soviet psychology, ed. by D. A. Leontiev, V. G. Shchur. Moscow, Smysl Publ., 1997. (In Russ.)
- Bratus' B. S. *Anomalii lichnosti* [Personality anomalies]. Moscow, Mysl' Publ., 1988.
- Fel'dshtein D. I. [A changing child in a changing world: psychological and pedagogical problems of a new school]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal*, 2010, no. 2 (4). (In Russ.)
- Florenskaya T. A. *Mir doma tvoego. Chelovek v reshenii zhiznennykh problem* [The world of your home. A person in solving life's problems]. Moscow, Russkii Khronograf Publ., 2009.
- Frank S. L. *Chelovek i Bog* [Man and God]. Minsk, Belarusian Orthodox Church Publ., 2010.
- Frankl V. *Chelovek v poiskakh smysla* [Man in Search of Meaning]. Moscow, Progress Publ., 1990.
- Ieromonakh Serafim (Rouz). «Seichas pozzhe, chem my думаем». *Izbrannye izrecheniya ottsa Serafima (Rouza)* ["It's later now than we think". Selected sayings of Father Seraphim (Rose)]. Available at: <https://pravoslavie.ru/106088.html> (accessed 20.03.2019).
- Khagurov T. A. *Chelovek potrebyayushchii. Antropologicheskaya deviantologiya massovoi kul'tury* [The person consuming. Anthropological deviantology of mass culture]. Saarbrücken, Lambert Academic Publ., 2011.

- Khagurov T. A. *Deviantologiya — sotsiologiya i psikhologiya zla* [Deviantology — sociology and psychology of evil]. Moscow, INFRA-M Publ., 2023.
- Nikolai Serbskii, svt. *Mysli o dobre i zle, per. s serb. I. Charoty* [Thoughts about good and evil, transl. from Serbian by I. Charota]. Minsk, D. Kharchenko Publ., 2010.
- Shchipkov V. A. [Secular foundations and utopian features of the ideology of transhumanism]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12. Politicheskie nauki*. [Bulletin of the Moscow University. Ser. 12. Political Sciences]. 2018, no. 3. (In Russ.)
- Shuvalov A. V. [Anthropological crisis as a source of suicidal behavior of juveniles]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya* [Bulletin of the Saratov University. Series: Acmeology of Education. Psychology of development]. 2013b, no. 3 (7). (In Russ.)
- Shuvalov A. V. [Child suicides: an attempt to comprehend the problem]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 4: Pedagogika. Psikhologiya* [Bulletin of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities. Series 4: Pedagogy. Psychology]. 2013, no. 2 (29). (In Russ.)
- Shuvalov A. V. [Cultural-historical and spiritual-psychological prerequisites of suicidal behavior of juveniles in modern Russia]. *Bogoslovsko-istoricheskii sbornik. Vyp. 10* [Theological-historical almanac. Issue 10]. Kaluga Theological Seminary Publ., 2018. (In Russ.)
- Shuvalov A. V. [Psychological and pedagogical aspects of the realization of the educational ideal]. *Voprosy psikhologii*, 2014, no. 5. (In Russ.)
- Slobodchikov V. I., Shuvalov A. V. [Anthropological approach to solving the problem of psychological health of children]. *Voprosy psikhologii*, 2001, no. 4. (In Russ.)
- Sukharevskie chteniya. Suitsidal'noe povedenie detei i podrostkov: ehffektivnaya profilakticheskaya sreda, 14–15 noyabrya 2017 g., Moskva. Sbornik statei pod obshchei redaktsiei kand. med. nauk M. A. Bebchuk. Ehlektronnoe izdanie* [Sukharev readings. Suicidal behavior of children and adolescents: an effective preventive environment, November 14–15, 2017, Moscow. Collection of articles under the general editorship of Cand. of Med. Sci. M. A.

Bebchuk. Electronic edition]. Moscow, GBUZ «NPTS PZDP im. G. E. Sukharevoi DZM» Publ., 2017.

Ukhtomskii A. A. *Dominanta dushi* [Dominant of the soul]. Rybinsk, Rybinskoe podvor'e Publ., 2000.

Vasilyuk F. E. [Cultural and anthropological conditions of the possibility of psychotherapeutic experience]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural and historical psychology]. 2007, vol. 3, no. 1. (In Russ.)

Zavtra oni zaimut klyuchevye pozitsii [Tomorrow they will occupy key positions]. *NarkoNet*, 2013, no. 4 (101).